БЕСШОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

Лет десять назад центральная пресса впервые заговорила о том, что в небольшом литовском городе Паневежис существует самобытный театр, во главе которого стоит интересный мастер.

В последнее время возникла новая волна интереса к театру в Паневежисе, связанная с широкой популярностью Донатаса Балиониса. После фильма «Никто не хотел умирать» и «Мертвый сезон» этого актера называют среди представителей той современной манеры игры, которая требует углубленного психологического реализма. Сам Балионис говорит, что старается играть, как научил его Мильтинис: прежде всего понять внутреннее двоякое человека, услышать в обязательно донести до зрителя его диалог с самим собой.

Но Балионис не единственный актер, пришедший в кино с этих подмоетков. Рядом с ним надо поставить и В. Бледиса, блистательно сыгравшего центральную роль литовского крестьянина в фильме «Лестница в небо», и Б. Бабкаускаса, и А. Масюлиса, — создателей весьма разнoplановых образов во многих советских фильмах. Все эти актеры вместе с Е. Шулгайте, С. Космаускасом, Г. Каркой,

К. Виткусом, С. Петровайтисом составляют костяк коллектива паневежисского театра.

Когда попадаешь сюда в первый раз, сразу обращаешь внимание на простоту, строгость и вкус интерьера, отсутствие рекламных стендов, фотографий актеров. На стенах подлинники работ современных литовских художников, в фойе — скульптуры. У театра договоренность с республиканским музеем: экспозиция часто меняется. Так нас вводят в атмосферу искусства еще до начала спектакля.

По окончании действия на аплодисменты актеры не выходят. Театр не торопится разрушать иллюзию.

«Театр — проблематика, а не развлечение», — утверждает Юозас Мильтинис. Можно, конечно, сказать, что эта истина не нова, вспомнить начало Художественно-общедоступного театра, увидеть ныне аналогии в истории, но ведь в искусстве истина преломляется нередко заново.

За высокое понимание об-

щественного назначения искусства Мильтинис боролся с первых своих шагов в нем. Еще будучи молодым актером Шяуляйского театра, он расходуется с режиссером, который называл артистам внутри в пошлую театральность, покидает буржуазную Литву. В Париже вместе с Жаном Вилларом в Луи Барро он учится у Шарля Дюллена, посещает собрания коммунистически настроенной интеллигенции, думает о своем пути в театральном искусстве. После знакомства с книгой Станиславского «Работа актера над собой» девиз: «Я иду человеческую правду» становится и его целью в искусстве.

В 1938 году он возвращается в Литву и создает свою студию.

Театр в Паневежисе — детище Советской власти. Он открылся в 1941 году спектаклем «Паль серебряная» Н. Погодина. Г. Иокубонис, ныне прославленный скульптор, а тогда юный зритель новорожденного театра, живший в том же городе, рассказывал автору этих строк, какое огромное впечатление произвел на него театр: «Как в жизни». С тех пор театр неизменно ищет драматургию, которая отра-

жает коренные события эпохи. Со всем уважением относясь к стилю и идее автора, он находит такой угол зрения, который придает постановке свежесть и глубину.

Так, шолоховская «Поднятая целина» поставлена им не только как произведение о социально-конкретных процессах переустройства деревни, но и как спектакль о радости человеческой дружбы, о взаимном доверии людей в борьбе за новый мир.

Казалось бы, локальную на первый взгляд историю о претуплении трех молодых парней, рассказанную Ю. Грушом в пьесе «Пагубное опьянение», театр поднимает до разговора о духовном содержании личности современника, о значении человека в социалистическом обществе. В пьесе Борхерта «Там, за дверью», относящейся к определенному отрезку времени, театр ищет более общую проблематику и рассматривает конфликт в масштабе сегодняшнего столкновения двух миров — социалистического гуманизма и поднимающего голову фашизма.

Мильтинису равно подвластны разные жанры — и национальная характерность социальной драмы Венуолиса, и

будничное подводное течение повседневной жизни чеховского «Иванова», и искрометный галльский юмор комедии Бомарше, и ирония трагического фарса Дюрренматта. Но его любимым жанром — трагедия. Художник, страстно отстаивающий нравственное мужество борьбы за справедливое общество, он видит в трагедии жанр, позволяющий мобилизовать духовные силы зрителя.

Режиссерский почерк его мелялся, развивался, впитывая в себя поиски различных средств выразительности. Это можно заметить даже в спектаклях текущего репертуара. Но есть вместе с тем черты, составляющие главное в режиссерской индивидуальности мастера.

Главное внимание он сосредоточивает на актере, требуя на сцене жизненной достоверности и правдивости, принципиально отвергая «игру», буффорность сценического поведения.

Его постановки отличаются ясностью мысли и цельностью художественной идеи, несущей и последовательно развертывающейся по ходу действия. Но цельность и ясность идеи не означает заданности. Режиссер дает возможность каждому актеру высказать прав-

ду своего образа, и из их столкновения как бы спонтанно рождается мысль спектакля. И всеобщность не обрывается у него медлительностью, вялостью. Напротив, паневежисские спектакли характеризуются напряженным, уругрым ритмом.

С какой непрерывностью внутреннего действия сменяются в «Смерти коммюножера» реальный план и воспоминания Вилли Ломена! Этот ритм требует от актера соединения эмоционального и интеллектуального, сочетании яркости чувства с сосредоточенностью мысли. Напряженность ритма осмыслена здесь как эстетическая категория современности, отражающая ритм действительности.

Театр уважительно относится к бытовой конкретности обстановки, но она для него лишь подполье. Он ищет правды не бытовой, не этнографической, а поэтической, которую понимает как «инспекторскую общечеловеческую метафору».

Когда смотришь спектакль, а затем рассматриваешь в фойе дерзательные скульптуры и картины литовских художников, то невольно думаешь об общности корней разных видов искусства, о националь-

ной природе этого театра, о восточных истоках его творчества. В сдержанной наполненности актерских образов чувствуется нечто общее с умением народных литовских мастеров передать в лаконичных формах скульптуры большое содержание.

В Паневежисе сложился коллектив единой художественной веры, завославший зрителя в своем городе и привлекаяший внимание многочисленных театралов, специально приезжающих сюда, чтобы посмотреть спектакли, идущие по многу лет подряд.

Сейчас на подъеме литовский роман, остро и проблемно осваивающий современность. И очень хотелось бы, чтобы литовские прозаики и Мильтинис нашли друг друга, чтобы этот союз дал новые талантливые произведения драматической литературы.

Говоря о своих товарищах по театру, Мильтинис как-то написал: «Беспокойная сердцем художника — вот что движет им, дает силы, творческий заряд, ясность мысли». Эти слова мастера в полной мере можно отнести и к нему самому.

И. ВАСИЛЬЕВ.

Паневежис — Москва.